

Глава 83: Сотрудничество

—

IV.

Се Сюань резко вскинул голову и увидел, как темная тень промелькнула быстрым бликом, — и вот уже на резном стуле из красного дерева сидит высокий статный мужчина.

Возможно, из-за того, что наступил вечер и служба закончилась, гость не был облачен в привычные черные доспехи и плащ. Сейчас на нем поверх нижнего платья была лишь небрежно наброшена темная накидка, волосы были просто перевязаны лентой, а в руках он держал неведомо откуда взявшийся складной веер. Это придавало ему непередаваемый вид вольного гуляки, словно перед Се Сюанем был совсем не тот суровый и прямолинейный человек, которого он видел днем.

Пока Се Сюань предавался этим мыслям, Гу Сыюань слегка прищурил свои ястребиные глаза и концом веера приподнял его подбородок:

— Ваше Высочество, вы слишком засмотрелись.

Се Сюань, подавляя странную радость в сердце, хлопнул по вееру, отбивая его, и с притворной подозрительностью спросил:

— И что же привело генерала Гу в такой час?

Гу Сыюань холодно усмехнулся:

— Если бы я не пришел, то упустил бы возможность послушать, как Ваше Высочество ругает меня за спиной.

Се Сюань сморщил нос, подумав про себя: «Этот парень и впрямь невыносим, так сразу выставляет меня виноватым». Он надул щеки и упрямо возразил:

— Генерал Гу, верно, ослышался. Я ругал ту птицу.

— ...

Из-за внезапного появления Гу Сыюаня голубь в ужасе отлетел на подоконник. Услышав слова хозяина, он возмущенно уставился на него своими глазками-бусинками. «Что за хозяин такой? Думает, если я птица, то ничего не понимаю? Неужели сердце голубя не может быть ранено?!»

— Раз Ваше Высочество так говорит, значит, так оно и есть, — усмехнулся Гу Сыюань, решив больше не издеваться над этим мягким созданием.

Се Сюаню стало неловко, и он поспешил сменить тему:

— Раз уж генерал прибыл глубокой ночью, давайте перейдем к делу.

Гу Сыюань кивнул:

— В записке вы упоминали о сотрудничестве. Говорите прямо, чего вы хотите.

Се Сюань слегка приподнял уголки губ:

— Раз генерал Гу уже сказал те слова на берегу реки, неужели он не догадывается, о чем я хочу поговорить?

Гу Сьюань слегка качнул веером, но взгляд его остался ледяным:

— Ваше Высочество разве не знает, каков я? Желаящих переманить меня на свою сторону больше, чем звезд на небе. Почему я должен выбрать вас?

Улыбка Се Сюаня не дрогнула. Напротив, он подался чуть вперед, так что их теплое дыхание переплелось:

— А разве это не вы, генерал Гу, хотели, чтобы я вас переманил?

Гу Сьюань замер. Он коснулся веером подбородка принца, слегка отодвигая его от себя, и сухо бросил:

— Говорите нормально.

— ... — Се Сюань. «Хе-хе, кажется, я начинаю понимать его характер».

Он принял серьезный вид:

— Я, безусловно, могу дать генералу Гу то, чего не даст никто другой.

Гу Сьюань вскинул бровь:

— Например?

Се Сюань сощурился и прошептал:

— Перечислять — это скучно. Я обещаю: генерал Гу может просить чего угодно.

Гу Сьюань встретился с ним взглядом и на мгновение задумался:

— Чего угодно?

Се Сюань кивнул:

— Разумеется. Мы можем обсудить даже разделение трона пополам.

Щелк! — Гу Сьюань резко сложил веер. Его голос был безразличным:

— Трон меня не интересует.

— Ого... — Се Сюань тихонько хлопнул в ладоши и хитро спросил: — Если государственные дела вас не прельщают, неужели генерал — тот самый герой из легенд, что «предпочитает красавицу империи»?

— Глупости, — Гу Сьюань легонько ударил веером по его тыльной стороне ладони. На коже мгновенно расцвело красное пятно.

Се Сюань отдернул руку, потер её об одежду и снова недовольно надулся. Он схватил со стола пирожное и запихнул в рот:

— Мне еще четыре месяца до семнадцатилетия. Разве мне нельзя иногда побыть ребенком?

Глядя на то, как тот ест, словно маленький зверек, набивая щеки, Гу Сьюань почувствовал, как его сердце на мгновение смягчилось. «Жалкое и милое создание».

Этой ночью было полнолуние. Огромный диск луны висел высоко в небе, заливая всё вокруг серебристым светом. Они сидели друг напротив друга, заваривая чай. Однако Се Сюань, слабый здоровьем, через некоторое время начал поеживаться от ночной прохлады.

В следующее мгновение на его плечи легла широкая накидка. Она еще хранила тепло тела другого человека, и Се Сюань сразу согрелся. Он только хотел что-то сказать, но перед ним уже никого не было.

На следующее утро Гу Сьюаню нужно было заступать на службу во дворец, поэтому он встал в час Мао (05:00–07:00). Служанка принесла горячую воду для умывания и собиралась забрать сменную одежду в стирку. Она долго искала верхнюю накидку, но так и не нашла. Нахмурившись, она вышла из комнаты в полном недоумении: «Неужели я что-то перепутала?»

Гу Сьюань нес караул у Зала Верховной Гармонии (Тайхэдянь). Благодаря выдающимся боевым навыкам его слух и зрение превосходили обычных людей. На сегодняшнем утреннем собрании чиновники обсуждали два вопроса: первый — покушение в уезде Цин (кто-то требовал крови, кто-то молил о пощаде), второй — предстоящие столичные экзамены «хуэйши», до которых остался месяц. Лидеры фракций принцев яростно спорили о том, кто станет главным экзаменатором.

Из-за инцидента силы Се Хуаня заметно пошатнулись, но другие принцы продолжали грызнуть за власть. Император Цзяньчжао в последнее время был в ужасном расположении духа: на всех смотрел волком, подозревая в каждом предателя. В итоге, не дослушав споры, он в гневе взмахнул рукавом и покинул зал. Утренний прием закончился ничем.

Лицо императора было темнее тучи, когда он садился в паланкин. Ван Чэньин преданно семенил рядом, ведя себя еще осторожнее, чем обычно. Гу Сьюань же с неизменным холодным выражением лица следовал в охране.

На повороте процессию встретили несколько человек. Возглавляла их пожилая женщина — доверенная служанка вдовствующей императрицы. Гу Сьюань знаком приказал страже остановиться. Вскоре императорский кортеж развернулся в сторону дворца Ниншугун.

Едва они прибыли к покоям вдовствующей императрицы, Гу Сьюань увидел Се Сюаня, который тоже спешил туда. Пробегая мимо, принц ухитрился скрытно подмигнуть генералу.

«Похоже, вдовствующая императрица узнала о событиях в уезде Цин», — подумал Гу Сьюань.

Обычно вдовствующие императрицы недолюбливают фавориток, пользующихся безраздельным вниманием императора. Но вдовствующая императрица Цзян была исключением: она симпатизировала наложнице Лу и души не чаяла в Се Сюане. Из-за её преклонного возраста и слабого здоровья слуги не решались рассказать ей о покушении, но сегодня утром Цзян Яньянь, придя на поклон, «нечаянно» проговорила. Разумеется, императрица тут же велела позвать сына и внука.

Гу Сьюань простоял на посту у дворца Ниншугун около четверти часа, когда вышла служанка и сообщила, что вдовствующая императрица желает видеть его. Генерал кивнул и вошел следом.

«Неужели опять награда? Сначала наложница Лу, потом император, теперь вот вдовствующая

императрица?» — иронично подумал он.

И он не ошибся. Вдовствующая императрица Цзян, чьи волосы были совершенно белы, сохраняла величественное спокойствие. Посмотрев на Гу Сьюаня, она мягко сказала:

— Я должна поблагодарить тебя. Твой нрав совсем не похож на отцовский.

Затем она добавила:

— Помню, твой отец на два года старше императора. Тебе сейчас должно быть столько же, сколько первому принцу. Ты уже женат?

Гу Сьюань поклонился:

— Пока не добьюсь успеха в делах, о семье не помышляю. У меня нет намерения жениться в ближайшее время.

Се Сюань украдкой взглянул на него.

Императрица понимающе кивнула и не стала настаивать. Она сделала знак в сторону бокового зала, и вышедшая оттуда служанка привела прекрасную молодую девушку. Это была Цзян Яньянь, внучатая племянница вдовствующей императрицы и главная героиня этого мира.

Вдовствующая императрица с улыбкой сказала Се Сюаню:

— Яньянь как раз пришла навестить меня. Вы, молодые люди, идите пообщайтесь, а мне нужно поговорить с императором.

— Слушаюсь, — тут же ответил Се Сюань.

Цзян Яньянь тоже изящно поклонилась.

Когда Гу Сьюань развернулся, чтобы уйти, он отчетливо заметил, как блеснули глаза императора Цзяньчжао. Похоже, даже для Сына Неба разговор наедине с вдовствующей императрицей не сулил ничего легкого.

Дворец Ниншугун занимал огромную площадь, а с левой стороны к нему примыкал небольшой уютный сад. В разгаре была весна: алели цветы, и нежно зеленели ивы. Трое молодых людей направились именно туда.

Разумеется, Се Сюань и Цзян Яньянь шли впереди, а Гу Сьюань следовал за ними чуть поодаль, выполняя роль стражника.

Цзян Яньянь украдкой взглянула на спутника. Её чувства было трудно прочесть, но голос звучал мягко и мелодично:

— Слышала о происшествии на церемонии. Вдовствующая императрица была крайне обеспокоена, да и я места себе не находила. Позвольте спросить, всё ли в порядке с Вашим Высочеством?

Се Сюань вежливо кивнул:

— Благодарю за заботу, двоюродная сестра Цзянь. Я в полном порядке.

Принц знал, что бабушка давно хочет свести его с Цзян Яньянь. Сам он не особо помышлял о делах сердечных, но, поскольку императрица души в нем не чаяла, он не хотел её огорчать. К тому же Яньянь славилась в столице своей красотой и благонаравием — вполне подходящая кандидатура на роль супруги принца.

— Вот и славно, — Цзян Яньянь лучезарно улыбнулась, сохраняя при этом подобающее достоинство. Затем она словно про себя добавила: — И что это за злодеи такие дерзкие, что посмели покушаться на Ваше Высочество? Вам впредь нужно быть осторожнее.

Се Сюань оставался бесстрастен:

— Наемники и впрямь оказались дерзкими, но, полагаю, целью был не я. К счастью, именно я заменил отца на алтаре.

Улыбка на лице девушки на миг застыла. Спустя паузу она ответила:

— Вот оно как... Простите мою оплошность.

Се Сюань лишь качнул головой, его лицо не выразило никаких эмоций. Они сделали круг по саду, ведя светскую беседу: Се Сюань отвечал на все вопросы, но разговор не клеился. Цзян Яньянь быстро начала терять терпение. На самом деле она лишь хотела разузнать для Се Хуаня, не заподозрил ли чего Се Сюань после падения алтаря. В остальном принц был ей совершенно не интересен.

— Ваше Высочество, я немного утомилась, — улыбнулась она. — Позвольте мне вернуться и отдохнуть.

Се Сюань поспешно кивнул:

— Прошу прощения за навязчивость. Доброго пути.

Вернувшись в боковой зал, служанка Цзян Яньянь по имени Дун-эр хихикнула:

— Шестой принц так нежен с вами, госпожа! Раз вдовствующая императрица оставила Его Величество, не о вашей ли свадьбе они толкуют?

— Думаешь? — Яньянь равнодушно вскинула взгляд.

С тех пор как вдовствующая императрица озвучила свою затею, все домашние твердили ей, что она станет женой принца. А поскольку император так любит Шестого принца, она в будущем могла бы стать императрицей. Вспомнив полные зависти взгляды сестер, Яньянь презрительно усмехнулась. Неужели кто-то думает, что она дорожит этим местом?

Дун-эр не заметила её лица, лишь услышала смешок и продолжила подлизываться:

— Я слышала от дворцовых служанок, что вчера императрица вспоминала о грядущем семнадцатилетии Шестого принца. Самое время жениться.

Сидя у окна, Яньянь думала: «Как же пристрастны бабушка и император. Четвертый принц Се Хуань на год старше Се Сюаня, но никто не печется о его браке. Все смотрят только на этого баловня». Но она сама будет смотреть на Се Хуаня — она знала, что он в сто раз достойнее. Се Сюань держался лишь за счет своей матери-фаворитки. Цзян Яньянь не желала идти за него замуж.

Между тем, у Шестого принца возникли другие трудности.

— Собираешься жениться на госпоже из рода Цзянь? — Гу Сьюань, скрестив руки на груди, лениво прислонился к дереву, точь-в-точь как в лесу у реки.

Се Сюань взглянул на него и хотел было ответить: «Скорее всего, да». Но почему-то на душе стало беспокойно, и он поправил себя:

— Хоть я и принц, в делах брака я обязан подчиняться воле старших.

Гу Сьюань лишь холодно уставился на него:

— Ты не можешь на ней жениться.

Се Сюань был поражен властным тоном генерала, но в глубине души шевельнулось странное, щекочущее чувство радости. Он нарочно надул губы и хмыкнул:

— Ты всего лишь мелкий офицер, и вздумал указывать Его Высочеству?

Глядя на эти пухлые щеки и озорной блеск в глазах, Гу Сьюань просто протянул руку, обхватил его шею и подтянул к себе. Хватка была крепкой, и на белоснежной щеке принца тут же выступил легкий румянец. Горделивая маска Се Сюаня дала трещину, и он обиженно забормотал:

— Опять ты проявляешь неучтивость...

Он всем телом прижался к груди Гу Сьюаня, но сопротивлялся без особого рвения. Се Сюань почувствовал свежий, морозный аромат свежего чая, исходящий от мужчины — этот запах успокаивал, не будучи приторным.

Низкий, ледяной голос прозвучал прямо над ухом:

— Если Ваше Высочество не будет слушаться, я проявлю еще больше «неучтивости»!

Се Сюань вскинул голову и задиристо сверкнул глазами. Кончик его языка на миг скользнул по алым губам:

— Неучтивость? И как же еще генерал Гу желает посягнуть на достоинство принца? Неужто задумал мятеж?

Глаза Гу Сьюаня сузились, в голове невольно всплыли определенные картины, а дыхание стало тяжелее. Помолчав, он сухо отрезал:

— Ваше Высочество, ведите себя достойно.

Се Сюань хитро прищурился и рассмеялся:

— Ладно, я поговорю с бабушкой. Но какой довод привести? Сказать, что генерал Гу сам не хочет жениться и мне не велит?..

Последние слова он произнес с томной, завлекающей интонацией, явно наслаждаясь замешательством собеседника. Гу Сьюань мгновение смотрел в его лукавые глаза, а затем его ладонь медленно скользнула с шеи на плечо, а затем к руке. Движение было мягким, но Се Сюань почувствовал, как в месте касания разливается невыносимый жар. Наконец, пальцы

генерала сомкнулись на тонком, прохладном запястье, и он почувствовал мерное биение пульса.

Гу Сьюань опустил взгляд и усмехнулся:

— Разве Вашему Высочеству трудно найти предлог?

В глазах Се Сюаня застыла тревога, он попытался высвободить руку:

— Что ты имеешь в виду?

Гу Сьюань не спешил отпустить теплую кожу. Он слегка нажал пальцами на вену и негромко произнес:

— Пульс нитевидный, слабый при нажатии. Ваше Высочество с детства слаб здоровьем, вам не следует вступать в брак слишком рано. Лучше сосредоточиться на укреплении духа и тела. Уверен, вдовствующая императрица поймет.

Се Сюань замолчал, а затем его глаза снова весело изогнулись:

— Не знал, что генерал Гу еще и в медицине смыслит.

— Солдатам приходится знать азы, — Гу Сьюань продолжал поглаживать его запястье.

Се Сюань не обратил на это внимания и продолжал хихикать:

— И как долго, по мнению «лекаря Гу», мне нужно восстанавливаться? Когда же я смогу обзавестись семьей?

«Всё не унимается», — подумал Гу Сьюань. Он мрачно посмотрел на принца и чуть сильнее сжал руку:

— Это неизлечимо. Не стоит портить жизнь порядочным девушкам.

— ... — Се Сюань. «Ух, какой страшный человек».

— Оказывается, генерал Гу — тот еще шутник? — подмигнул он. — Хорошо, я понял. Без согласия генерала Гу — ни за что не женюсь.

Гу Сьюань отпустил его руку и удовлетворенно кивнул:

— Послушание — это хорошо.

Се Сюань посмотрел на запястье, лишившееся тепла, и про себя скривился: «Зря я так быстро согласился».

Гу Сьюань продолжил:

— Скоро объявят результаты расследования по делу в уезде Цин. Твоим людям не стоит слишком усердствовать. Наш император мастерски владеет искусством равновесия: где-то убудет, а где-то, глядишь, и прибавится.

— Хм, — Се Сюань кивнул, а затем с лукавством посмотрел на мужчину: — Генерал Гу, а не является ли это попыткой «предугадать волю Сына Неба»? Это ведь пахнет государственной

изменой.

Гу Сьюань прищурился, глядя на эту хитрую «листочку», и ледяным тоном ответил:

— Я не только волю Сына Неба угадываю, но и тайно сговариваюсь с принцем. А в будущем, возможно, и вовсе пойду на мятеж...

Услышав это, Се Сюань сощурил свои прекрасные глаза и внезапно уткнулся подбородком в твердый панцирь на груди Гу Сьюаня. Сдерживая смех, он проворковал:

— Генерал Гу, вы мне нравитесь всё больше и больше. Что же мне делать?

Гу Сьюань коснулся его белой шеи и безразлично бросил:

— Разве я могу запретить Вашему Высочеству питать ко мне чувства?

— Ха-ха-ха!..

Звонкий и счастливый смех Се Сюаня разнесся по саду, заставив вспорхнуть несколько бабочек, собиравших нектар.

Вскоре из главного зала дворца Ниншугун донесся возглас: «Его Величество отбывает!».

Гу Сьюань без малейшего сожаления отстранил от себя принца и холодно бросил:

— Выходи чуть позже.

Се Сюань послушно кивнул, хлопая влажными ресницами:

— Как скажете, генерал Гу.

Гу Сьюань передвигался быстро. Когда он занял свое место подле императорского паланкина, император Цзяньчжао как раз вышел из ворот. Он шагал размашисто, низко опустив голову, а лицо его было еще мрачнее, чем утром после собрания. Ван Чэньин с метелкой из конского волоса семенил следом, едва поспевая за императором.

Сев в паланкин, император лишь коротко бросил:

— Пошли. Назад!

— Слушаюсь, — отозвался Ван Чэньин.

Процессия тронулась. Лишь спустя приличное время Гу Сьюань услышал за ярко-желтыми занавесками звон разбитого фарфора.

«Похоже, получил нагоняй», — мысленно отметил генерал.

В гареме покойного императора было великое множество наложниц, и то, что вдовствующая императрица Цзянь вышла победительницей из той жестокой борьбы, доказывало: она далеко не глупа. Как мать Цзяньчжао, она знала его лучше всех на свете и давно раскусила, что сын использует наложницу Лу и её сына как живой щит. Поэтому, несмотря на кажущееся всевластие фаворитки, императрица никогда не притесняла наложницу Лу, а, напротив, даже симпатизировала её прямолинейному нраву. В этом гареме все женщины лишь пытались выжить под рукой Сына Неба.

Императрица Цзян даже пыталась отговорить сына от подобных игр. Даже если он не любил наложницу Лу, Се Сюань всё же был его плотью и кровью. Но император был слишком самонадеян. Впрочем, ни одна мать в мире не может переспорить своего сына. Ей оставалось лишь быть добрее к Се Сюаню, чтобы успокоить собственную совесть.

Узнав подробности покушения на алтаре, она сразу поняла, что без участия Цзяньчжао тут не обошлось — наверняка он снова подыгрывал своему любимчику, четвертому принцу, помыкая Се Сюанем. Именно поэтому она оставила его наедине, чтобы вразумить и отчитать. Рассчитывать на то, что император раскается, не стоило, но чиновников, причастных к делу, он теперь был обязан покарать по всей строгости.

Именно поэтому Гу Сьюань ранее сказал принцу, что скоро будут результаты. Под давлением с нескольких сторон — министров, вдовствующей императрицы и бесконечных слез наложницы Лу — император Цзяньчжао долго не продержится. По сути своей он был человеком трусливым. Будь иначе, он не стал бы прятать любимую женщину за спиной другой, совершая столь нелепые поступки ради сохранения репутации.

Но чем трусливее человек, тем он мнительнее и мстительнее. Даже если сейчас он будет вынужден ударить по людям Се Хуаня, он наверняка занесет в свой «черный список» всех тех министров, что слишком громко требовали правосудия, и будет ждать случая, чтобы низвергнуть их в бездну.

Гу Сьюань опустил взгляд: «Похоже, нужно подкинуть этому мелочному императору еще немного хлопот...»

Тем временем в саду дворца Ниншугун.

Се Сюань сорвал самую красивую камелию и вертел её в пальцах. Позади него почтительно застыл слуга в сером одеянии:

— Только что этот по фамилии Гу посмел проявить неучитивость к Вашему Высочеству.

Се Сюань перетирал лепестки, улыбаясь:

— Это не в первый раз. Разве генерал Гу не всегда презирал род Лу и меня лично?

Слуга промолчал. Он имел в виду совсем другое: он видел, как генерал посмел силой удерживать принца в объятиях, это было просто... неслыханно.

— Довольно, — Се Сюань подбросил лепестки в воздух.

Они закружились, создавая сказочную, призрачную картину. Но даже этот цветочный дождь не мог затмить красоты того, кто стоял в его центре. Когда лепестки опали, принц заложил руки за спину и неспешно вышел из сада:

— На самом деле, это к лучшему.

Это была ситуация, которую можно было использовать для достижения целей.

Всё случилось именно так, как и предсказывал Гу Сьюань.

Разбирательство по делу о покушении затягивалось, но бесконечные распри фракций, давление вдовствующей императрицы и истерики наложницы Лу сделали свое дело. Спустя

полмесяца император Цзяньчжао вынес вердикт.

Наемники, схваченные Гу Сьюанем, так и не заговорили в застенках Далисы. Однако в итоге на теле одного из них «случайно» обнаружили татуировку восточных пиратов-вокоу. Таким образом, заказчиками покушения официально объявили японских пиратов. В конце концов, вокоу не явятся в столицу, чтобы опротестовать приговор. К тому же, сама церемония была посвящена победе над ними, так что месть выглядела логичной, и министрам нечего было возразить. Впрочем, месть пиратам — дело долгое, оставалось лишь надеяться на доблесть воинов юго-восточного побережья.

Раз с главными виновниками разобрались, пришел черед «халатных исполнителей». Была уволена целая плеяда чиновников из Министерства строительства, Императорской обсерватории, Министерства обрядов и командования столичного гарнизона. Все получили максимально суровое наказание.

Объективно говоря, многих можно было бы прикрыть, ведь они не участвовали в заговоре напрямую, а лишь проявили недосмотр. Но Цзяньчжао был злопамятен. Раз уж его любимому четвертому сыну Се Хуаню пришлось лишиться «рук и ног», он решил, что и другие сыновья не должны радоваться. Он ударил по верхам и низам, затронув тех, кто уже успел примкнуть к разным принцам. Даже мелкие проступки раздувались до размеров государственной измены — последовали увольнения и конфискации имущества, затронувшие десятки семей.

Например, командующий гарнизоном, тесть второго принца Се Куаня, был понижен на два ранга. Левый помощник министра обрядов, родной дядя первого принца Се Хуна, был лишен права на повышение в течение трех лет (хотя министр обрядов вот-вот должен был уйти в отставку, и тот метил на его место).

Такой подход императора был грубым и несправедливым. В итоге вся ярость пострадавших обрушилась на Се Сюаня. Ведь все знали: император обожает Шестого принца, а значит, столь жестокая чистка — это месть за него. После собрания старшие братья смотрели на Се Сюаня так, будто хотели сожрать его живьем. Впрочем, принцу было всё равно: его «братья» и без того его не жаловали, а долгом больше или меньше — какая разница, ведь сам он ничего не потерял.

Вечером того же дня Гу Сьюань в добром расположении духа снова отправился в поместье Шестого принца.

В столице Великой Лян, за исключением праздничных дней, действовал комендантский час. Ночь была темной, дул ветер, а небо затянули тяжелые тучи. В тени карнизов на пустынной улице слышался шепот:

— Где он? Куда делся?

— Столько возни ради одного книжного червя?

В этот момент раздался другой голос:

— Сюда, сюда! Нашел...

Двое людей в черном обрадовались и бросились на зов товарища. Гу Сьюань прищурился и последовал за ними. У подножия высокой стены четверо налетчиков окружили молодого ученого, избивая его ногами:

— Беги, ну же! Ишь, какой шустрый...

— Ха, думал, если сбежишь из уезда Лин в столицу, то спасешься? Всё равно попался к нам в руки.

При упоминании «уезда Лин» взгляд Гу Сьюаня стал острым. Мгновение спустя четверо налетчиков бездыханно осели на землю. Подхватив избитого до полусмерти студента, генерал направился к поместью Се Сюаня.

В это время Се Сюань, накинув ту самую накидку, по привычке сидел у окна и предавался раздумьям. Эта привычка появилась у него меньше месяца назад. Внезапно перед ним возникло жуткое лицо с растрепанными волосами, всё в кровоподтеках и синяках. Принц расширил глаза и едва не закричал, приняв гостя за призрака.

В следующую секунду рядом появилось знакомое холодное лицо генерала:

— Это живой человек, — спокойно произнес он.

Се Сюань выдохнул и недовольно буркнул:

— Ты по пути решил подработать ловцом преступников?

Гу Сьюань кивнул с бесстрастным видом:

— В каком-то смысле. Убил четверых.

— ... — Се Сюань. «Мог бы и не говорить об этом так обыденно».

Он моргнул:

— А этот выживший... кто он?

— Спас его. Похоже, иногородний студент, приехавший на экзамены. Увидел, как его преследуют, и решил вмешаться.

Взгляд Се Сюаня стал серьезным. Студент нынешнего набора, за которым велась охота? Экзамены «хуэйши» закончились всего несколько дней назад. За этим могло стоять крупное коррупционное дело, ведь главным экзаменатором был ставленник первого принца Се Хуна.

Се Сюань кивнул:

— Он не видел твоего лица?

— Был без сознания, — покачал головой генерал.

Принц слегка расслабился:

— Хорошо. Я прикажу подлечить его. Если что-то выяснится — сообщу.

Раненого перенесли в гостевые покои. В саду под луной снова остались только они двое.

Се Сюань, должно быть, уже успел умыться перед сном: его иссиня-черные волосы мягко спадали на узкие плечи. Маленькое лицо, обрамленное прядями, казалось еще изящнее, а влажный блеск глаз и алые губы выглядели необычайно притягательно.

Гу Сьюань прищурился. «Этот человек явно делает это нарочно». Он взял со стола пирожное, отправил его в рот и сухо заметил:

— Appetitно.

— ... — Се Сюань.

«Ну и мужлан. Даже комплимент «красота, достойная трапезы» умудрился превратить в какую-то грубость».

—

<http://bllate.org/book/14483/1281621>